Гудок. — 1990. — 22 августа. — с. 4

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Феномен культуры

«Высоцкий в контексте русской культуры» — согласитесь, название несколько академическое для выставки в залах Советского фонда культуры. В противовес самой экспозиции — живой и лаконичной.

На стендах представлено множество фотографий Высоцкого, пожелтевших от времени страниц «Литературной газеты» с портретами сменяющих друг друга вождей... Все это очень любопытно, на наш взгляд. А вот — впечатления посетителей. «Каждый день прихожу к Володе Высоцкому, чтобы еще раз увидеть и услышать его», — строки простые и искренние, в прозе, а остальное — почти все — в стихах. Это ему, Владимиру Высоцкому, хоть и незамысловато, но честно.

Здесь все временно—и экспозиция, и ощущение быстротечности момента. Кажется, что Высоцкий тут проездом. А щедрые пожертвования в фонд его музея, кроме всего прочего, говорят и о горячем желании когда-нибудь все же войти в него — в постоянное жилище мастера, где он будет не гостем или временным постояльцем, а хозяином.

«Высоцкий в контексте русской культуры» — был новым поворотом в теме о настоящем в творчестве. Здесь переплетаются линии «Поэт и Москва» — среда, взрастившая его, с мелькающими переулками, домами, бульварами. Здесь прекрасно ощущается линия «Поэт и время» — с портретами «вождей народов» на первых полосах газет. Со славословиями и здравицами в их честь. Правда, нам значительно легче, чем современникам поэта, рассуждать о тех годах с высоты гласности и накопившейся информации.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» — это эпиграф новой выставки. Но, может, он верен и для всего творчества да и биографии Высоцкого? Возможно. Не станем навешивать ярлыки и повторять ошибки прошлого. Обратимся к экспонатам, показанным в залах. Взгляд наш снова и снова возвращается к стенду, который, казалось бы, ничем не заслужил внимания. На нем запечатлены высказывания людей о творчестве Высоцкого. Они разные. Но есть среди них одно, мимо которого пройти нельзя. Вот оно:

«Лирический герой многих песен Высоцкого, как правило, примитивный человек, полуспившийся Ваня, приблатненный Сережа, дефективная Нинка и т. д. Надрыв этого человека — окончательный разрыв с идеалом, в лучшем случае — замена его правилами полублатной солидарности...

В таких текстах, лишенных исполнения и аккомпанемента, явственны и безвкусица, и фельетонность, и любительщина...

Ст. Куняев».

Долго осмысливаем, анализируем, пытаясь найти оправдание. Но в конце концов душа взрывается: «Позвольте не согласиться!». Жаль достопочтенного поэта — автора этих строк. Ибо какой же узостью кругозора надобно обладать, чтобы не разглядеть за непритязательными на первый взгляд песнями-диалогами Нинки, Сереги, Вани... нас с вами, реальных людей со своими коммунальными кухнями, сплетнями. Не разглядеть, что за всем этим стоят... роли. Роли Владимира Высоцкого.

На вопрос анкеты «Каким человеком считаешь себя?» Высоцкий ответил: «Разным».

...До сих пор стоит перед глазами лицо ветерана, с замиранием сердца слушавшего «Он не вернулся из боя». Этот человек не верил, что Высоцкий не мог быть свидетелем той ужасной войны...

А что вы скажете об этом?

«Мой черный человек
в костюме сером,
Он был министром,
домуправом, офицером,
Как злобный клоун,
он менял личины,
И бил под дых,
внезапно, без причины.
И, улыбаясь,
мне ломали крылья,
Мой хрип порой
похожий был на вой,
И я немел от боли
и бессилья,
И лишь шептал:
«Спасибо, что живой!».

Так кем же он все-таки был — Владимир Высоцкий? Актером? Поэтом? Певцом? Мы не знаем. Знаем только, что он был личностью. Явлением культуры.

«Чего ты хочешь от жизни?» — спросили Высоцкого в шутливой анкете. — «Чтобы помнили...».

О нем мы помним.

О. КУЗНЕЦОВА,
О. МИНАЕВА.